

© 2008 г. Т. Б. АГРАНАТ

МАЛЫЕ ЯЗЫКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОДСКИЙ*

Статья посвящена одному из самых малочисленных языков Российской Федерации, самому «малому» из языков уральской семьи – водскому. Делается краткий обзор исторических источников о водском языке и его носителях – води – древнейшего известного населения северо-запада Восточно-Европейской равнины. Говорится об имеющихся научных описаниях водского языка, о принципах диалектного членения. Кратко излагаются наблюдения автора над синхронным состоянием сохранившихся говоров.

Видимо, большинство лингвистов в настоящий момент хорошо осознает, какую угрозу представляет собой скорость исчезновения языков на земном шаре. Признание этой проблемы властными структурами документально подтверждается принятием Советом Европы в 1992 г. Европейской Хартии о региональных языках или языках меньшинств, ратифицированной Российской Федерацией, объявлением Организацией Объединенных Наций 1994–2004 гг. Международным десятилетием коренных народов и т.д. Тем не менее, как представляется, по-прежнему «основные усилия лингвистов направлены на изучение языков, пользующихся историческим, политическим и социальным престижем; более того, все общие лингвистические концепции, как правило, базируются на фактах, добытых из этой горстки привилегированных языков» [Кибрик 1992: 47]. Между тем «язык каждого народа является не только культурным, но и природным наследием всего человечества» [Нерознак 2002: 7], и, с этой точки зрения, все языки планеты имеют совершенно одинаковую ценность, независимо от числа их носителей, наличия/отсутствия письменности, нормы, литературной традиции, от сфер употребления и всех прочих социолингвистических параметров.

«Более 200 языков функционируют на территории бывшего СССР. Примерно треть часть их может быть отнесена к так называемым малым языкам» [Казакевич, Кибрик 2005]. Самым миноритарным является керекский – осталось трое его носителей (см. [Красная книга 2002]), следующий по числу говорящих – не более 20 – водский язык, самый малый из уральских языков.

Водь – древнейшее известное население северо-запада Восточно-Европейской равнины (от южного берега Финского залива на севере до верховьев рек Луга и Плюсса на юге¹ и от р. Нарва на западе до р. Нева на востоке) [Шлыгина 1994: 126]. Тем не менее первое упоминание о води, которое находят в Новгородской летописи под 1069 годом, «не может быть интерпретировано ни с географической (отсутствует указание на район проживания), ни с археологической (отсутствуют достоверные синхронные древности) точек зрения. «Вожане» XI века остаются пока исторической загадкой» [Рябинин 2001: 11]. Ранее, в 862 г., Нестор именем чудь называет прибалтийско-финские племена, в число которых, как считается, входит и водь. По археологическим же

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

¹ Южная водь, обитавшая в районе Гдова, ассимилировалась со славянским населением раньше других, какие-либо сведения об идиоме, на котором она говорила, отсутствуют.

данным, граница Водской земли с Чудью проходит по реке Систе и ее притоку Суме [Там же: 13], а значит, водь и чудь нельзя отождествлять².

Не позднее XII в. водь вошла в состав Новгородской республики, дав название одной из ее административных единиц – Водской пятине. В это же время водь была обращена в православие, и официальным языком церкви становится русский. К XII в. ижорские племена, двигавшиеся с Карельского перешейка, достигают водских земель и расселяются чересполосно с водью; так же селятся и славяне. После заключения в 1617 г. Столбовского мира южное побережье Финского залива отошло к Швеции, и шведский король предпринял попытку обратить население завоеванной территории в лютеранство. Последнее вызвало массовый отток в глубь России не только славян, но также води и ижоры, хотя они и продолжали соблюдать многие языческие обряды. На освободившихся землях поселились финны, потомки которых там живут до сих пор. После того как Ингерманландия вновь отошла к России, некоторые из водских и ижорских переселенцев вернулись. Таким образом, с XVII в. водский язык находится в контакте, кроме русского и ижорского, также и с финским языком. Правда, поскольку финны оставались лютеранами, в браки с ними водь практически не вступала, что делало языковые контакты не очень тесными. С русскими и в особенности с ижорами, которые для води были близки не только в конфессиональном, но и в языковом отношении, браки были частыми.

В историческое время при общении води и ижоры использовался только ижорский язык. В начале XX в. уроженец водского села Краколье (см. карту), учившийся в Тартуском университете, Д. Цветков писал, что, если в водскую семью приходила молодая жена-ижорка, все члены семьи, включая самое старшее поколение, начинали говорить по-ижорски. Это в конечном итоге приводило к вытеснению водского языка ижорским. Уже в начале XX в., по свидетельству Д. Цветкова, водь по-русски называла себя ижорой (по-водски самоназвание *vad' d'alaized* сохранилось). Водские девушки о себе пели по-русски «Все ижорочки красивенькие» [Tsvetkov 1925].

Водский язык всегда оставался бесписьменным. Ижорский язык обрел письменность в начале 1930-х гг., в период языкового строительства. Его стали преподавать в школе и преподавали в течение непродолжительного времени. Водских детей вместе с ижорскими начали учить читать по-ижорски как на родном языке. Происходило это только в крайне западных деревнях; восточнее, в окрестностях Котлов (см. карту), водских детей не обучали ижорскому языку. Раньше я ошибочно полагала [Агранат 2002a], что изменению самоназвания у води послужило то, что им преподавали ижорский язык как родной, но теперь у меня появились новые данные, которые говорят о том, что как раз обучение водских детей на ижорском языке было следствием того, что они называли себя ижорой, а свой язык ижорским. В окрестностях Котлов водь себя ижорой не называет (по-русски они до сих пор зовут себя чухонцами или талапанцами), поэтому их не учили по ижорскому букварю.

Точные сведения о численности водского населения впервые собрал П.И. Кёппен – в 1848 г. всего было 5148 человек и проживали они в 32 деревнях (опубликовано в [Кёппен 1851]). В официальной переписи населения 1897 г. водь не значилась, по переписи 1926 г. зарегистрировано 705 человек. Затем до 2002 г. водь исчезает из переписей, а по данным 2002 г., водью называли себя 73 чел., владеющими водским языком – 774 чел. Последняя цифра явно завышена, так как в настоящее время носителей вод-

² Ср. *водь* из водск. *Vad'd'a* «клин» [Фасмер 1986: 331] и *чудь* «саам. кольск. *čutte, čut ...* ср. Э. Итконен..., чье собственное сближение саам. слов с фин. *suude* “затычка, клин” не представляется мне убедительным» [Фасмер 1987: 379]. Ср. также: «В нескольких деревнях Ораниенбаумского и Ямбургского уездов Петербургской губернии живет малый народ, который по языку, обычаям и национальным костюмам отличается от своих финских и русских соседей. Сами они называют себя *Wadjalaiset*, финны называют их *Watjalaiset*, русские – чудь (чудья) и (в летописях) водь, а в финской и шведской истории они известны как *Water, Watlåndare*» [Ahlquist 1856].

ского языка осталось не более двух десятков человек старшего возраста, проживающих в деревнях Краколье и Лужицы Кингисеппского района Ленинградской обл. (см. [Агранат 2005a]). Предположить, что количество владеющей водским языком не этнической води на порядок превышает тех, кто в переписи назвал себя водью, невозможно, так как водский язык никогда не был лингва франка, эту функцию раньше выполнял ижорский язык.

Сокращению численности води послужили как объективные, так и субъективные причины (см. подробно [Агранат 2003; Agranat 2003]). К первым можно отнести бесконечные войны на территории Ингерманландии, эпидемии, голод. Отчасти объективными причинами можно считать ассимиляцию в результате смешанных браков и обучения в школе на русском языке. Субъективными причинами были, во-первых, проводимая русскими царями, начиная с Петра I, политика по заселению северо-запада русскими крестьянами из средней России с целью ассимиляции «инородцев», а во-вторых, насильственное выселение немцами всего прибалтийско-финского населения Ингерманландии (води, ижор и ингерманландских финнов) в Финляндию в 1943 г. Когда в 1944 г. они были отпущены, разрешение вернуться домой получили только вдовы и сироты погибших в Великой Отечественной войне. Остальные были выселены в различные области России, что, разумеется, не способствовало сохранению языка. После 1953 г. им было разрешено вернуться, но смогли это сделать далеко не все. Но и после 1953 г. разговаривать по-водски в родных местах было не безопасно, так как, по свидетельству информантов, в них видели «чуждые элементы». Как следствие, чтобы не навлечь беду на детей, водский утрачивает функцию языка домашнего общения, вытесняясь русским. В настоящее время поколение, родившееся после Второй мировой войны, по-водски не говорит. Сейчас не осталось ни одного носителя водского языка, который в полном объеме не владел бы русским. В настоящий момент, когда нет запретов на использование языка, в принципе, можно сказать, что водский употребляется только при общении с исследователями; языком домашнего общения он не может быть, так как практически нет семей, где было бы больше одного носителя.

Впервые в научный (в известной степени) обиход сведения о водском языке вводит пастор Трефурт, записавший в XVII в. водскую песню из восьми строк, лингвистический анализ этой песни сделал эстонский исследователь Хупел; в том же веке список водских слов под заглавием «По Чюхонски» попадает в словарь Палласа. В самом начале XIX в. некоторые сведения о водском языке публикует финский просветитель Портан.

В середине XIX в. водским языком заинтересовался А. Шёгрэн, а вслед за ним – А. Ахльквист, сделавший первое грамматическое описание водского языка [Ahlquist 1856]. Оба они проводят исследования, используя только материал говора села Котлы (о диалектном членении см. ниже), там же Э. Леннрот записывает руны, вошедшие в Калевалу. Затем, в середине XX в. П. Аристе свое грамматическое описание основывает также на котельском говоре, к тому времени уже практически вымершем, рассматривая параллельно формы и других говоров [Ariste 1948; 1968]. Некоторые исследователи полагают (см. [Лаанест 1993a]), что говоры деревни Котлы и близлежащих деревень заслуживают большего внимания, так как они в меньшей степени подверглись ижорскому влиянию, в то время как крайне западные говоры считаются значительно менее «чистыми» из-за ижорского влияния³. Однако контакты по всей западной Ингерманландии происходили издавна (см. выше).

В 1883 г. О. Мустонен публикует тексты на Кракольском и Лужицком говорах, которые (и только которые) сейчас еще сохраняются [Mustonen 1883]. В 1995 г. был из-

³ Ср.: «Несколько десятилетий назад, когда лингвисты еще могли записать “чистый” водский язык, они попросту игнорировали носителей, чей язык, с их точки зрения, “испорчен” соседними языками» [Salminen 2007: 221].

дан написанный в начале XX столетия словарь кракольского говора [Tsvetkov 1995]. В 1922 г. тем же автором была написана не изданная до сих пор «Первая грамматика водского языка», составленная на базе кракольского говора, носителем которого был Д. Цветков. Грамматика не является научным описанием, поскольку ее автор не был профессиональным лингвистом, но имеет непреходящую ценность как самозапись носителя. Автором настоящей статьи только что сделано синхронное грамматическое описание этих говоров [Агранат 2007]. В XX в. практически во всех водских деревнях были записаны образцы речи.

Как в XIX в., так и в первой половине XX в. исследователей особенно интересовала «степень родства» водского языка с другими, генетически близкими ему языками. Водский язык вместе с финским, эстонским, карельским, вепсским, ижорским и ливским входит в прибалтийско-финскую группу финно-угорских языков. Согласно одной точке зрения, разделяемой П. Аристэ, прибалтийско-финский праязык распался на две группы диалектов: северо-восточную и юго-западную, на основе последней, наряду с эстонским и ливским, образовался водский язык. Сторонники данной точки зрения, говоря об особенной близости водского северо-восточным диалектам эстонского языка, признают и ряд общих черт водского языка с северо-восточной группой прибалтийско-финских языков.

По другой точке зрения, высказываемой Т. Итконеном, прибалтийско-финские языки происходят от трех прadiaлектов: 1) северного, который непосредственно продолжают западные диалекты современного финского языка, 2) южного, на основе которого развились ливский, эстонский и частично водский языки, 3) восточного диалекта, элементы которого вместе с северным участвовали в формировании современных вепсского, карельского, ижорского языков и восточных диалектов финского языка, а вместе с южным – в формировании водского языка [Лаанест 1993б: 32]. Исходя из такой точки зрения, водский язык является наследником как южного, так и восточного прadiaлектов. При подсчете по стословному списку М. Сводеша совпадения водского с литературным финским языком составили 91%, с литературным эстонским – 88%⁴.

Кроме поиска места в генетической классификации, исследователи прошлого также занимались изысканиями в области истории языка, опираясь на засвидетельствованные ими синхронные данные. Не удивительно поэтому, что диалектное членение водского языка, впервые предложенное Л. Кеттуненом [Kettunen 1915/1930], было основано исключительно на исторической фонетике; традиционно все последующие исследователи придерживались данной классификации.

Раньше всех из исторически засвидетельствованных вымер кревинский диалект, на котором говорили в Латвии. В XIX в. Ф.И. Видеман доказал, что этот идиом является одним из диалектов водского языка. В 1445 г. часть води была уведена в плен в Курляндию Ливонским орденом после сражения с Новгородом (в состав которого тогда входила Водская пятина) для строительства Баусского замка. Потомки плененной води под этнонимом кревины просуществовали в Латвии вплоть до начала XIX в. Ф.И. Видеман в 1871 г. предпринял поездку на места, где в прошлом проживали кревины, и обнаружил, что кревинский язык уже окончательно вымер. От языка кревинов сохранилось только 108 предложений и отдельные слова, записанные в XVIII–XIX вв. разными людьми, не имеющими специальной подготовки. Ф.И. Видеман в своей известной работе [Видеман 1872] анализирует эти данные о языке, а также и об этнографии кревинов; последние были зафиксированы исследователями начиная с первой половины XVII в. Кроме сходства кревинского и водского языков, сходство деталей костюма для Видемана явилось доказательством того, что «Кревины были потомки именно тех «поплененных» Вотов, о которых говорит летопись и которых около

⁴ Подсчет по всем говорам, зафиксированным в словаре *Vadja keele sõnaraamat* (1990–), дал одинаковые результаты.

1445 года Ливонские войска «приволокли» в свои земли после похода в Новгородские владения» [Там же: 114].

В кривинском диалекте не прошла палатализация *k* в *č* перед гласными переднего ряда⁵, которая, видимо, еще не имела места в XV в., а также фонеме *õ* других водских диалектов соответствует *ö* в записях кривинских слов. Последнее, однако, возможно, объясняется неквалифицированностью записывающих, которые, по словам Ф.И. Видемана, «не будучи знакомы ни с одним финским языком, не в состоянии были с точностью уловить чуждые им звуки и иное в них слышали и передавали неверно, – в чем легко убедиться из шаткости и неодинаковости правописания в записи одних и тех же форм и окончаний» [Видеман 1872: 71]. (Ср., также «вспомогательный глагол “быть” занесен в записи с весьма различным правописанием, с буквою *e*, *a* или *ö* в первом слоге» [Там же: 80].)

Оба указанные фонетические явления характерны и для куровицкого диалекта, распространенного в одной деревне Куровицы (вод. *Kukkuzi*), находящейся на юго-западе исторически засвидетельствованного водского ареала. Однако в куровицком диалекте эти (и другие) явления объясняются влиянием ижорского языка. Л. Кеттунен считает, что куровицкий диалект обладает ижорскими чертами в большей степени, чем водскими, см. [Kettunen 1930: 172, сноска]. Некоторые авторы полагают, что куровицкий диалект вымер [Адлер 1966; Лаанест 1993а], вытеснившись ижорским языком. Тем не менее, вопрос о языковой принадлежности куровицкого идиома сложный, так как в речи современных носителей баланс водских и ижорских черт такой же, как и в текстах, записанных от информантов в начале и середине XX в. [Ленсу 1930; Mägiste 1959], а также в записях образцов водской речи П. Аристэ [1935; 1960; 1962; 1982; 1986]. Видимо, данный идиом представляет собой контактный язык, что не удивительно, так как дер. Куровицы располагается в кольце ижорских деревень. Если учитывать социолингвистический критерий при определении языковой принадлежности идиома, то нужно отметить, что Д. Цветков причисляет Куровицы к водским деревням [Tsvetkov 1931]. (Интересно, что П.И. Кёппен в [1851] не упоминает Куровицы среди 32 водских деревень.) Ср. точку зрения П. Аристэ: «Влияние ижорского языка на водский так велико, что местами язык, носящий название водского, является в действительности лишь диалектом ижорского языка, как напр. в деревне Куровицы (*Kukkuzi*)» [Аристэ 1947: 46]. Отдельного грамматического описания куровицкого диалекта не существует; есть словарь [Posti, Suhonen 1980].

Итак, по классификации Л. Кеттунена, есть еще два диалекта: восточный (вымерший в 1960-е гг.) и западный. Поскольку, как говорилось выше, критерием диалектного членения была историческая фонетика, т.е. рефлексy прaприбалтийско-финских фонем в современных Кеттунену идиомах, то основанием для выделения восточного диалекта послужил «сверхважный признак» – сохранение древних *h* и *k* в ауслауте в некоторых формах имен и глаголов. На этом основании говоры пяти деревень (Гостилово, Ивановское, Климетино, Подмошье и Ицелино) были причислены к восточно-водскому диалекту. Однако позже отмечалось, что данная черта не архаичная и не исконно водская, а является результатом влияния хэваского диалекта ижорского языка, который был распространен в непосредственной близости от восточных водских деревень, см. [Лаанест 1966]. Таким образом, приходится признать, что данный критерий «не работает», если при делении водского языка на диалекты ставить во главу угла историческую фонетику. Отдельного грамматического описания восточного диалекта не существует, изданы тексты, записанные от последней носительницы [Adler 1968]. Все остальные говоры водского языка традиционно считаются принадлежащими к западному диалекту. Вообще говоря, более целесообразно было бы изучать водские го-

⁵ Палатализация прошла во всех водских диалектах, кроме тех, о которых специально говорится ниже, и является отличительной чертой водского от других прибалтийско-финских языков.

воры методом лингвистической географии, т.е. исследовать изоглоссы по всему ареалу распространения говоров, тем более, что некоторые изоглоссы встречаются в не контактирующих говорах (например, вторичная геминация – только в крайне западном и крайне восточном ареалах). При этом соседние говоры могут иметь довольно большие фонетические и морфологические различия (например, существуют различия в некоторых падежных показателях в двух еще живых говорах). Кроме того, между некоторыми говорами, традиционно включаемыми в западный диалект, наблюдаются большие различия, чем между некоторыми западными и восточными. Например, только в крайне западных говорах, судя по текстам, уже в XIX в. на фонетическом уровне стала развиваться редукция в заударных слогах и апокопа, в морфологии форма имперсонала стала вытеснять 3 л. мн. ч., сама же имперсональная форма образуется не так, как в других говорах, и т. д.

Объем настоящей статьи не позволяет привести хоть сколько-нибудь полный обзор статей по водскому языку, написанных в XX и начале XXI в. – их количество достаточно велико. Но тем не менее его нельзя считать исчерпывающим⁶.

Наиболее архаичным из прибалтийско-финских языков является финский, получивший письменность в XIV в.; жесткая литературная норма прелятствует его изменению. Младописьменные и тем более бесписьменные прибалтийско-финские языки (каковым является водский) меняются быстрее, безусловно, испытывая влияние соседних контактирующих языков. Но от этого их изучение не становится менее актуальной задачей, и полевой лингвист вряд ли должен отправляться на поиски утопического «чистого» языка, подобно исследователям минувших столетий. Очевидно, что любой идиом ценен для построения общей типологической теории⁷. Кроме того, равную ценность представляют и разные синхронные срезы, изучение которых позволяет наблюдать язык в динамике. Поэтому следование высказываемой иногда точке зрения, что в XX в. было накоплено достаточно полевого материала по водскому языку, а сейчас нужно его обрабатывать и не надо больше ничего собирать, может привести к потере для науки, может быть, уже последнего синхронного среза. Старые грамматические описания, к большому сожалению, полностью игнорировали синтаксис, возможно, поэтому в [Ahlquist 1856] отсутствуют даже аналитические формы. Синтаксис, особенно полипредикативный, в прибалтийско-финских языках очень плохо удерживается при контакте с другими языками, и водский не составляет исключения; исчезает способ выражения мысли. Тем не менее удалось обнаружить следы синтаксической категории эвиденциальности: при наличии в главной предикации экспериенциального предиката, если говорящий сообщает о факте «из первых рук», стимул кодируется отглагольным именем, если говорящий не был очевидцем события – придаточным предложением (подробно см. [Агранат 2002б; Agranat 2006]). В старых грамматиках практически никогда не дается описание семантики грамматических форм. Так, наличие довольно экзотического множественного числа числительных констатируется в [Ariste 1968], но о его употреблении ничего не говорится. Полевые исследования показали, что множественное число числительных используется в сочетании с парными предметами, а также может сочетаться и с непарными именами, и таким образом грамматически выражается дистрибутивная множественность (подробно

⁶ Ср. замечание, что в бывшем СССР «имеется около ста языков, уровень изученности которых можно считать нулевым (если не опускаться до точки зрения, что наличие единственного грамматического описания уже есть показатель его приобщения к разряду хорошо описанных языков)» [Кибрик 1992: 66].

⁷ Некоторые исследователи считают, что распространение явления языкового сдвига в масштабах планеты ведет к смене приоритетов; языковые явления, вызванные контактами между языками, – заимствования, интерференция, переключение кодов, креолизация и смешение языков, возникновение и закрепление новых кодов, которые занимали периферийное положение, вправе претендовать на большее внимание среди лингвистов [Вахтин, Головкин 2005].

см. [Агранат 2005б]). Интересными оказываются и инновации, например, количество систем пространственного дейксиса приближается к числу идиолектов (см. подробно [Агранат 2005в]).

Несмотря на некоторое сходство с близкородственными языками, водский язык, как и всякий идиом, является уникальным способом кодирования лексической и грамматической информации, что само по себе является непреходящей ценностью. Поэтому, если нельзя его сохранить, то надо, по крайней мере, документировать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агранат 2002 – Т.Б. Агранат. Исторический опыт обучения водских детей на ижорском языке // Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков. Междунар. научн. конф. М., 2002.
- Агранат 2002б – Т.Б. Агранат. О семантике некоторых полипредикативных конструкций в водском языке // Мат-лы междунар. научно-методической конф. преподавателей и аспирантов. СПб., 2002.
- Агранат 2003 – Т.Б. Агранат. Объективные и субъективные причины исчезновения водского языка // И.А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения. Сыктывкар, 2003.
- Агранат 2005а – Т.Б. Агранат. Второе пришествие води в переписи 2002 г. // Всероссийский конгресс антропологов и этнологов. СПб., 2005.
- Агранат 2005б – Т.Б. Агранат. О грамматической категории числа в водском языке // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов. Сыктывкар, 2005.
- Агранат 2005в – Т.Б. Агранат. Изменение системы пространственного дейксиса в водском языке // Congressus decimus internationales Fenno-Ugristarum. Joshkar-Ola 15.08–21.08.2005. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. Linguistica. Joshkar-Ola, 2005.
- Агранат 2007 – Т.Б. Агранат. Западный диалект водского языка. М.; Гронинген, 2007.
- Адлер 1966 – Е. Адлер. Водский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966.
- Аристэ 1947 – П. Аристэ. Происхождение водского языка // Филологич. докл. на конф. по вопросам финно-угорской филологии в Ленинграде в 1947 г. Тарту, 1947.
- Вахтин, Головкин 2005 – Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. М., 2005.
- Видеман 1872 – Ф.И. Видеман. О происхождении и языке вымерших ныне курляндских кривичей. СПб., 1872.
- Казакевич, Кибрик 2005 – О.А. Казакевич, А.Е. Кибрик. Малые языки на постсоветском пространстве // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 1. М., 2005.
- Кёппен 1851 – П.И. Кёппен. Водь и водская пяттина. СПб., 1851.
- Кибрик 1992 – А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- Красная книга 2002 – Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002.
- Лаанест 1966 – А. Лаанест. Ижорские диалекты. Таллин, 1966.
- Лаанест 1993а – А. Лаанест. Водский язык // Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
- Лаанест 1993б – А. Лаанест. Прибалтийско-финские языки // Языки мира. Уральские языки. М., 1993.
- Ленсу 1930 – Я.Я. Ленсу. Материалы по говорам води // Западно-финский сборник. Л., 1930.
- Нерознак 2002 – В.П. Нерознак. Языки малочисленных народов России: проблемы экологии и ревитализации // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002.
- Рябинин 2001 – Е.А. Рябинин. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001.
- Фасмер 1986 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986.
- Фасмер 1987 – М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1987.
- Шлыгина 1994 – Н.В. Шлыгина. Водь // Народы России. Энциклопедия. М., 1994.
- Adler 1968 – E. Adler. Vadjalaste endisajast / Idavadja murdetekste ENSVTa Kki. Tallinn, 1968.
- Agranat 2003 – T. Agranat. Objective and subjective cases of the Votic language disappearance // IX International conference on minority languages Kiruna, Sweden, 2003.

- Agranat 2006 – T.B. Agranat. Relic of polypredicative syntax in Votic // International symposium LENCA-3. Tomsk, 2006.
- Ahlqvist 1856 – A. Ahlqvist. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning // Acta societatis scientiarum Fennicae. V. I. Helsingforsiae, 1856.
- Ariste 1935 – P. Ariste. Wotische Sprachproben. Õpetatud Eesti Seltsi Aastraamat. 1933. Tartu, 1935.
- Ariste 1948 – P. Ariste. Vadja keele grammatika. Tartu, 1948.
- Ariste 1960 – P. Ariste. Vadjalaste laute. Tallinn, 1960.
- Ariste 1962 – P. Ariste. Vadja muinasjutte // Emakeele Seltsi Toimetised. № 4. Tallinn, 1962.
- Ariste 1968 – P. Ariste. A grammar of the Votic language. (Indiana university publications. Uralic and Altaic series. V. 68.) Bloomington; The Hague, 1968.
- Ariste 1982 – P. Ariste. Ariste Vadja pajatusi. Tallinn, 1982.
- Ariste 1986 – P. Ariste. Vadja rahvalaulud ja nende keel. Tallinn, 1986.
- Kettunen 1930 – L. Kettunen. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930. [Первое издание 1915 г.].
- Mustonen 1883 – O.A.F. Mustonen. Muistoonpanoja Vatjan kielestä // Virittäjä, 1883.
- Mägiste 1959 – J. Mägiste. Woten Erzählen. Wotische Sprachproben // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 118. Helsinki, 1959.
- Posti, Suhonen 1980 – L. Posti, S. Suhonen. Vatjan kielen Kukkosen murteen sanakirja. Helsinki, 1980.
- Salminen 2007 – T. Salminen. Endangered languages in Europe // M. Brenzinger (ed.). Language diversity endangered. Berlin, 2007.
- Tsvetkov 1925 – D. Tsvetkov. Vadjalased // Eesti keel. IV. 1925.
- Tsvetkov 1931 – D. Tsvetkov. Vähäize juttua vad'd'elaisiis // Eesti keel. 1931.
- Tsvetkov 1995 – D. Tsvetkov. Vatjan kielen Joenperan murteen sanasto. Helsinki, 1995.
- Vadja keele sõnaraamat 1990– – Toim. Adler E. ja Leppik M. Eesti TA KK. AE Signalet. Tallinn, 1990–.

